

#

ДОНБАСС

Мы тоже были на войне

Борис Гребельников

Борис Гребельников Донбасс. Мы тоже были на войне

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64135012

Донбасс. Мы тоже были на войне: о жизни. / Гребельников Б.А.: Союз писателей; Новокузнецк; 2017

ISBN 978-5-00073-637-1

Аннотация

Кто такой герой? Не тот ли, кто готов ради благой идеи, ради победы Добра над Злом, ради свободы и справедливости, ради Родины и своей семьи рискнуть головой? Много сказано о людях, совершавших подвиги в дни Великой Отечественной Войны. Но, увы, она не стала последней в истории человечества. Сегодня, как и десятилетия назад, в некоторых уголках Земли идут боевые действия. Обычные люди самых разных профессий, которые прежде никогда не держали оружия в руках, покидают свои дома и идут на баррикады, чтобы отстоять свое право жить, любить, творить. Героям Донбасса, их семьям – всем тем, кто отдал свои жизни ради славян и их самобытности, выступили против нового всплеска фашизма, посвящена книга Бориса Гребельникова "Донбасс. Мы тоже были на войне". Не оставайтесь равнодушными к беде, которая пришла в дома

мирных граждан, таких же, как те люди, что держат в руках этот сборник!

Содержание

От автора	6
А все-таки любил	12
Патриотка	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Борис Гребельников

Донбасс. Мы тоже были

на войне: #о жизни

© Гребельников Б.А., 2017

© Издательство «Союз писателей», оформление, 2017

От автора

О воинах, героически защищающих с оружием в руках свою землю, и не только Донбасса, а всего Русского мира от фашизма, после войны будет написано немало.

А кто напишет о нас, мирных жителях, которые попали в эту страшную кровавую мясорубку, развязанную Америкой и Европой против славянского народа?

Хотя, «мирными жителями» назвать нас можно только условно. Какие же, мы «мирные жители», если массово восстали против геноцида славян? Захватили государственные администрации в городах и построили вокруг них баррикады, а потом сутками; с «коктейлем Молотова», арматурой и палками в руках, стояли против милиции хунты и заграничных ЧВК.

Это из наших мирных жителей; одни попали в застенки СБУ, другие легли от пуль на баррикадах, а третьи стали костяком отрядов ополчения. Куда вступили люди мирных профессий; шахтеры, строители, металлурги, землепашцы, вооруженные охотничьими двустволками и оружием времен Отечественной войны, захваченным из военных складов.

Это наши «мирные» дети, шестнадцати, семнадцатилетние мальчишки и девчонки, тайно от взрослых, создали в Лисичанске отряд, и двое суток стрелковым оружием удерживали на мосту батальон «воjak» национальной гвардии

Украины. Когда погибло около пятидесяти детей-героев, остальные, восемнадцать человек, отошли.

Вот это нестигаемый славянский дух! Вот это русский характер! Значит, правильные книжки читали, в свое время, эти дети!

А вот, поразивший всех в интернете, подвиг «мирного» дедушки! Он пришел на блокпост национальной гвардии с гостинцем – трехлитровой банкой меда. Побеседовал, поблагодарил «войак» за службу, на прощание крикнул: «Слава Украине!» и, услышав в ответ: «Героям слава!», удалился.

Через некоторое время каратели решили полакомиться медом. Только залезли ложками в банку, раздался взрыв. В результате; один труп, три тяжелораненых.

Не знаю, сам он мастерил «адскую машину», или кто помог? Дело не в создании ее, а в силе духа старика. Это какой нестигаемый стержень нужно иметь внутри себя, чтобы спокойно прийти в стан врага, с взрывным устройством подмышкой?!

Старушка напекла пирожков и пошла на позицию бойцов Новороссии, которая находилась в ста метрах от хутора. Только ребята уселись поесть домашней стряпни, со стороны Мариуполя заработал «Град» нацгвардии. Парням пришлось рассредоточиться по своим местам. Ну, а бабушку, в первую очередь, определили в ростовой окоп.

Горе-войаки сработали пакетом снарядов на перелет. Он взорвался в поле за двести-триста метров от позиции. По-

сле обстрела боец, помогавший вылезти старушке из окопа, спросил:

– Ну как, бабуля, страшно?

– Хай, бог милует, – произнесла она, перекрестившись.

– Так вот, бабушка! Спасибо за пирожки, но вам лучше сидеть в своем подвале. Обстрелы будут часто, возможно несколько раз в день.

Положив старушке в сумку пару банок консервов, парни отправили ее домой.

Каково было удивление бойцов, когда на следующий день, увидели перед собой шуструю старушенцию с кастрюлей борща и пакетом пирожков.

– Бабушка, мы же, вам, приказали сидеть в подвале! – чуть не плача, возмутился командир подразделения: – Убьют вас, мне нагоняй за это будет от начальства!

На что старуха безапелляционно заявила: – У меня в подвале потолок бетонный, его снаряд выдержит, а вы в канавках сидите без крыши. Не ровен час погибнете. Вот мне вас и жалко!

И это не единичный случай, а массовое явление! Поверьте мне, это происходит возле каждого населенного пункта!

Ну, как впечатляет? В какой такой Англии, Франции или Америке их бабушка, рискуя жизнью, будет ходить на передовую, чтобы покормить домашней снедью бойцов, защищающих свою землю, в том числе и хутор старушки?

Нет там такого, в Европах и Америках! Мы в этом убе-

дились в предыдущих мировых войнах! Такое могут делать только наши, русские бабушки!

У нас даже монументы воинам-освободителям, погибшим в Великой Отечественной войне, уничтожают бандеровцев, потому что, видит Бог, наше дело – правое!

Так в населенном пункте Широкино Новоазовского района памятник солдату Шапоткину Семену Васильевичу, героически погибшему при освобождении села в сентябре 1943 г, уничтожил командира карательного батальона «Азов» и его водителя. Они врезались, удирая от бойцов ДНР Джип – вдребезги, а бетонному солдату хоть бы что. Он стоит, с приспущенным знаменем в руках, скорбно опустив голову, как бы осуждающе спрашивая: «Зачем пришли с оружием в руках на нашу землю?».

Средства массовой информации неоправданно называют нас, оставшихся, «мирными жителями». Кого так называли журналисты, те уехали сразу, как только появилась в наших местах нацгвардия хунты. А мы остались; пополняя ряды ополченцев, подкармливая бойцов домашним, помогая в рытье окопов, а также, кто, чем может. Например, мой сосед, сварщик по профессии, изготовил двенадцать буржеек для бойцов Новороссии. Даже тем, что живем и работаем на своей земле, мы показали врагу, что не боимся его.

Да! Мы урывками спим прямо в одежде, чтобы успеть при артобстреле в укрытие. И хотя, даже наши старушки знают, где «исходящие» и «приходящие» при артиллерийских дуэ-

лях, но мы, все равно, всей семьей падаем на пол, когда на кухне взрывается банка с огурцами. Да! Среди нас есть убитые и раненные, но мы свой Донбасс не бросим, и не надейтесь, бандеровцы!

Вот и решил я, пока живой, написать цикл рассказов о нас, оставшихся на своей родине, а не сбежавших со своей земли, на радость врагам.

Спросите: – Почему, пока живой? Отвечу: – Потому что живу на передовой, прямо на линии огня, и не знаю дальнейшую свою судьбу.

Ведь, не мог же предположить, что я, законопослушный гражданин государства, буду преследоваться киевским правительством, которое «навесит» на меня уголовных статей, срок которых, намного больше, чем у рецидивиста-«тяжеловеса». А именно; за публичное выступление в социальных сетях против мобилизации, за публичную критику в социальных сетях киевского правительства, за создание беспорядков и незаконный захват административных зданий, за пособничество терроризму, и наконец, за сепаратизм. Посчитал и ужаснулся! Выходит, что рецидивист, по сравнению со мной, обычный хулиган из малолетней зоны.

Также не мог знать, что я, мужчина преклонных лет, с ловкостью бойца спецназа, буду падать на землю при выстрелах из реактивных систем залпового огня «Град», которые, при выпуске полного пакета, уничтожают все живое и неживое на площади в два гектара.

Мне даже в голову не могло прийти, что при обстрелах вместе со мной будет падать мой девятилетний внук, который цепляясь руками за мою обувь, как кораблик на буксире за крейсером, с криком: «Деда, мне страшно!», будет ползти к ближайшему бордюрному камню.

Поэтому мы ничего не планируем на ближайшие годы, а просто, радуемся каждому наступившему дню и говорим: «Пока живой!».

А все-таки любил

Преклонных лет мужчина с жадностью читал новости с монитора компьютера. Вдруг за окном раздалось характерное шипение.

– Наши «Градами» ударили из посадки по блокпостам нациков, – удовлетворенно вымолвил он и приказал жене:

– Готовься в подвал, бабка! Сейчас «ответка» будет. Целый пакет пошел. Десять минут тебе на сборы!

– «Ваши», «наши»! Как уже надоела эта война! Когда она закончится?! Не могу уже! – в истерике закричала женщина и забегала по комнате, на ходу надевая теплую одежду.

В этот раз старик просчитался. С Мариуполя тут же ответили реактивной системой залпового огня. Три снаряда, от которых вздрогнула земля, и зазвенели оконные стекла, упали на соседней улице.

– Ложись! – крикнул дед и плашмя упал со стула.

– Ложись, старая! – заорал он повторно, багровея от ярости, и дернул бегающую жену за ногу. Отчего она кулем завалилась на пол, при каждом взрыве вскрикивая: – Ой, господи!

– Три штуки. Это пристрелочный залп. Сейчас нацики ударят полным пакетом, – пояснил вспотевший от напряжения старик и скомандовал:

– Быстро в подвал!

– Бегу, бегу, – согласно проговорила женщина и засеменила к выходу.

Пока дед надевал в коридоре ватные штаны, а его жена, открыв металлическую дверку подвала, спускалась по вертикальной лестнице из арматуры, начался жесточайший обстрел, который заставил старика, по-молодецки в три прыжка, преодолеть путь от дома к убежищу.

– Давай быстрее, а то ногой запихну! – испуганно заорал он. Торчавшая из люка голова женщины мигом исчезла. Быстро, как молодой матрос в машинное отделение, дед спустился по лестнице.

– Ну что, бабка, напугалась? – спросил он.

– Когда же это все закончится? – жалобно произнесла жена в ответ.

Некоторое время сидели молча.

– Не любишь ты меня, – первой нарушила тишину женщина и, вздохнув, добавила:

– И не любил.

– Нашла время о любви говорить, – проворчал муж в ответ: – Тут, главное, в живых остаться. Можно сказать, на передовой живем. По селу долбят каждые три дня.

– Юра, почему ты так относишься ко мне? Бабкой называешь. У меня имя есть. За ногу дернул, до сих пор болит. Кричал, что в подвал запихнешь. Всю жизнь прожила с тобой, а только сейчас поняла, что не любишь ты меня.

– Тьфу! Опять со своей любовью?! Ты думаешь, мне не

страшно?! – вскипел муж: – Ползешь по лестнице, как черепаха! Вот и сорвалось с языка в горячке!

– Лестницу сделал вертикальную, неудобная она.

– Штурмтрап называется. Другого типа не влезет сюда, – пояснил дед.

– Не мог подвал больше сделать? Чтобы как у людей было, – не унималась жена.

– Вот репей! У Булгаковых большой подвал, а что толку? Снаряд попал, и все банки вдребезги. Хорошо, что никого там не было. А у нас маленький. Шансов прямого попадания почти нет.

Дед перевел дух и начал хвалить свою работу:

– Видишь, какие толстые стены вылил из бетона? Надежные, как у Гитлера в бункере!

– А если сверху снаряд упадет? – засомневалась жена.

– Упадет, значит, конец. Но это не больно! – хохотнул старик.

– Не пугай меня, Юра, – прошептала жена поеживаясь.

– Тихо! – прикрикнул муж, прислушиваясь, и пояснил: – Наши ударили. Сейчас нацики ответят.

И, действительно, пошла черед разрывов, от которых часто задрожала земля. Муж с женой прижались к слегка вибрирующей стене. Когда обстрел закончился, дед воскликнул: – Мощные стены сделал, почти не дрожат!

В ответ женщина всхлипнула:

– Как там дочь с внучкой в городе? Наверно, твои опол-

ченцы туда стреляют?

– Не переживай! Они бьют по блокпостам, а не по городу. Жена расплакалась и начала выговаривать:

– Полгода не видела Танечку, внученьку мою! До Мариуполя пятнадцать километров, а поехать не можем. А все из-за тебя! Зачем ездил на баррикады в Донецк и Мариуполь?!

– На попутке езжай, если хочешь, а мне нельзя. Я у нациков в «черном» списке.

– Да как же я поеду?! У нас фамилия одинаковая! – вскрикнула женщина, перестав плакать.

– Вот, уже соображаешь! Тебя, из-за моей фамилии, бандеровцы тоже повесят! – весело ответил старик.

– Смешно тебе, сепаратист хренов! – глотая слезы, с презрением крикнула жена.

– Валя, заткнись, а то я за себя не ручаюсь! – угрожающе привстал с ящика дед. Женщина, прикрыв ладонями лицо, разрыдалась.

Через некоторое время старик тихо произнес: – Закончилась артдуэль. Посидим минут сорок и в дом пойдем.

Жена, всхлипнув несколько раз, проговорила:

– Зачем эта война, кто ее развязал! Так жили хорошо.

– А не твои ли родственники из Коломыи скакали на майдане? Вот и доскакались до войны, бабуины смерековые!

– Юра, не трогай моих родственников. Они хорошие люди.

– Согласен, хорошие. Но бестолковые. Не верят, что кара-

тели с их области убивают нас. Теперь, к нам на море пусть не приезжают, а купаются в своей речке-вонючке. Не смогу я с ними общаться! – вынес вердикт муж.

– Не любишь ты меня. Вот и родственников моих уже ненавидишь.

– Опять двадцать пять. Любовь, да любовь. Как молодая девка заговорила, – с досадой произнес старик.

– Юра, где сумка с лекарствами? «Корвалол» надо выпить. Что-то сердце разболелось.

– На стеллаже стоит.

Женщина, включив фонарик, начала рыться в сумке. Взгляд ее упал на что-то завернутое в тряпку, лежавшую в самом углу подвала.

– Чекушку прячешь? – с укором спросила она и схватила сверток. Оттуда выпали две гранаты.

– Воевать надумал?! – вскрикнула жена и просящим голосом добавила: – Юра, мы на эту тему говорили. Ты же обещал. Куда тебе с больным сердцем?

Муж, понутив голову, молчал. Женщина криво усмехнулась:

– А я думаю: куда утка из морозилки пропала? А он ее террористам за гранаты отдал.

– Валя, замолчи! Какие они террористы?! Это ополченцы! Они нас защищают от бандеровцев. Мои два деда и отец в Отечественную войну били этих гадов! И я не смогу жить в одной стране с фашистами! Если бы не сердце, давно бы

воевал.

– Тогда зачем гранаты? – удивилась жена.

– На всякий случай. Вдруг, нацгвардия село возьмет, так я растяжку поставлю на калитке. Все равно меня расстреляют, как сепаратиста. Хоть несколько карателей на тот свет потяну!

– Юра, давай уедем в Россию или хотя бы в Новоазовск. Не могу я уже, устала, – всхлипнула женщина.

– Кто тебя там ждет? Сама знаешь, что родственников там нет. Да и зачем я должен покидать свою родину?

– Может, кто-нибудь из людей примет? – заплакала жена.

– Не разводи сырость! Ладно, завтра отвезу в Новоазовск, а сам назад, – согласился муж и угрожающе добавил: – Не вздумай спорить, ты меня знаешь!

Утром старик выгнал за ворота старенький «Москвич» и начал грузить в багажник сумки. Жене, спешившей к сараю, он приказал:

– Валентина, поехали, хватит копать!

– Сейчас, курам зерна дам!

Увидев, что женщина побежала за сарай, дед, нервничая, закричал:

– Куда?!

– Курица выскочила, по огороду бегает! – бросила она на ходу.

– Хрен с ней, давай в машину!

Тишину нарушил пронзительный звон разрываемого сна-

ряды, гулко отозвалась земля, и взметнулся фонтан земли.
– Валька, ложись! – заорал старик и упал возле машины.
Когда затихло, дед позвал: – Валя! Валентина, ты где?!
Ответа не было. Почуввав беду, он бросился за сарай.

Жена лежала на спине, раскинув руки. Из виска тонкой струйкой стекала кровь. Муж припал ухом к ее груди и, не услышав дыхания, прошептал: – Валенька, я всю жизнь любил тебя. Как же мне теперь жить? – и его плечи затряслись в беззвучном плаче.

Через три дня жители села узнали, что дед Юра погиб на блокпосту возле города, забрав с собой на тот свет трех карателей батальона «Азов». Он сделал «сюрприз» из гранат, и когда открыл багажник «Москвича» для проверки, раздался взрыв.

Патриотка

Стоявшая в палисаднике женщина, увидев меня, улыбнулась и крикнула:

– Привет, сосед!

– Привет, Алла! – добродушно ответил я.

– Давно не виделись, – продолжила она, давая понять, что хочет пообщаться со мной, и подошла к штакетнику.

В былые времена мы не особо общались. Поздоровались, да и все, и каждый побежал по своим делам. А сейчас, когда, из-за боевых действий, большинство семей выехало, людей мало осталось в селе, поэтому каждого человека, встреченного на улице, воспринимаешь с радостью. И обязательно остановишься, чтобы поговорить о ситуации на Украине.

Мне эти разговоры о политике уже надоели. Поэтому я, подходя к забору, был намерен повернуть беседу в другое русло:

– Чего удивляться, что давно не виделись, ведь, больше в подвалах сидим.

– Не говори, сосед, – согласилась женщина и пожаловалась: – У меня после бомбежки давление поднимается, и сердце делает сто тридцать ударов в минуту.

– У меня та же картина, – признался я и пояснил: – Бомбежка – это когда бомбы с самолетов бросают, а нас обстреливают; из артиллерийских орудий, минометов и реактив-

НЫХ СИСТЕМ ЗАЛПОВОГО ОГНЯ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.